

18+

Игорь Смирнов

НЕ В РИФМУ

Игорь Смирнов

Не в рифму

«Издательские решения»

Смирнов И.

Не в рифму / И. Смирнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980609-3

Олег Николаевич Иванов — маленький человек эпохи интернета. Со школьной скамьи пытается писать, но, видно, нет таланта, кроме способности отличать плохое от хорошего. Через боль потерь приходит к нему осознание тщеты земной.

ISBN 978-5-44-980609-3

© Смирнов И.
© Издательские решения

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Не в рифму

Игорь Смирнов

Дизайнер обложки Игорь Васильевич Смирнов

© Игорь Смирнов, 2020

© Игорь Васильевич Смирнов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-0609-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из жизни графомана

Ушедшим товарищам

Чего Иванов терпеть не мог, так это опаздывать. В детстве хорошую прививку получил. Сейчас над этим можно хихикать, а тогда было не смешно. Первой обычно приходила мысль: проспал! Опаляла как взрыв. Страшнее, наверно, только взрыв и был, атомный. Зубы чистить уже недосуг, чай пить – тоже. Не до умывания! Но в трусах и майке в школу не пойдешь. Пусть вкривь да вкось, надо натянуть полагающиеся штаны, рубаху, пиджачишко, ещё что-то там, по погоде. Наконец выскочил на улицу, только минуты, они, знай, тикают себе. До школы, конечно, бегом – так чтобы язык до плеча, чтоб лёгкие наизнанку. Ко времени не поспеть, но пусть хоть видят – не совсем, мол, совесть потерял. Всё равно техничка в гардеробе глядит на тебя как на вошь, пальто забирает так, будто оно вымазано чёрт-те в чём. Ладно, можно пережить! Перед дверью класса, вот когда мандраж захлёстывал всерьёз. Как-то просочился сквозь неё, а там такая тишина, что перья одноклассников скребут в ней, кажется, не по бумаге, а прямо по душе. Учительница чинно прохаживается между рядами парт, звонко цокают каблук – и каждый удар будто забитый гвоздь. В запястье, в плечо. Но тут она поворачивается к тебе, смотрит дико расширенными глазами и нечеловеческим голосом восклицает: «Иванов?!» От этого крика хочется провалиться на месте, улететь в космос, превратиться в невидимку – да хоть чего, только бы исчезнуть!

Или... проснуться! Ведь хорошо, что это всего-навсего сон! Надо успеть себя одёрнуть: «Всё понарошку! Ничего этого нет! Я сплю!» И вырваться в явь – как вынырнуть с тёмной, затягивающей глубины. В висках стучит, сердце заходится, грудь разрывает, как если бы по уши нахлебался воды. Но мучение кончено...

И больно, и страшно, и обидно – за что?! Ведь чуть не каждую осень, да и весну, хотя бы раз возвращался кошмар, пока Олег оставался младшим школяром. Назойливым сновидением Иванов однако ни с кем не делился, даже родным ничего не говорил. Только в подробности влезать, беспокоить страстями надуманными, себе травить душу... Не так и часто напасть донимала, а потом и вовсе сама собой сошла на нет. Да и польза от неё оказалась явная: до получения аттестата хватило – ни единого опоздания. Приснившийся ужас, уж больно он был живой...

Теперь-то, без малого полста лет спустя, можно было порыться в версиях, умные теории привлечь, выдвинуть, откуда он возникал, с какого, извините за каламбур, перепуга. Проблема не практическая, больше отвлечённая, философский вопрос! Только уже и неинтересно, жизнь прошла... Олег давно уже Олегом Николаевичем стал. Как ни противно было по первости. Старпёр. Зато, старея, маленькие житейские хитрости постиг. Настоящим педантом никогда не был – а тут ещё и на детские фобии научился *забивать*. Так-то и получалось, что на заседания ЛитО Олег вовремя не приходил, и который год кряду! Можно сказать, заявлялся чуть

не к шапочному разбору – регулярно, систематически, злостно. Хладнокровно опаздывал... Ну, почти.

А всё оттого, что не под него, видно, те заседания затевались! Начинались в пять вечера. По каким-то оказиям – вообще в четыре. Он, может, уже и ветеран (или почти ветеран), но до сих пор трудящийся человек. Он, Олег Николаевич Иванов, полпятого лишь делал шаг от станка. Фигурально, конечно, выражаясь. А потом ему только до проходной минут двадцать надо было махать. И не нога за ногу, а по-спортивному споро. Но и дальше, за коробкою КПП, путь легче не делался. ЛитО собиралось на другом краю города. Туда хоть трамваем, хоть автобусом поезжай – всё едино, к назначенному часу не поспеть. Даже на такси, хотя сейчас они и подлетали на вызов через минуту-другую, как с неба падали или выскакивали из-под земли; как раньше только в кино про шпионов и триллерах-ужастиках – те злобные и коварные авто, что преследовали главного героя, *нашего и правильного* парня. Нет, в такие дни, то есть вечера, когда ЛитО свои сходки устраивало, одна лишь кабинка телепортации Иванова выручить могла. Но она существовала пока только в книгах и опять-таки кино. Да и дорого будет обходиться, когда изобретут; не по карману рабочему человеку, так мыслил Иванов. Вот он и выбирал трамвай, как самый экологический и экономный транспорт (дешевле автобуса на целых два рубля).

Да и порезвее дизельного перевозчика будет, пожалуй. Маршрут у него без извивов, прямой. Рассекает город на две половинки, но и вечерние уличные пробки, если на рельсах обходится без аварий, прорезает как ножом. Прямо до места, до библиотеки, где ЛитО собирается, подбросить не в силах, – библиотека-то окраинная и от трамвайной остановки до неё ещё минут двадцать опять ножками шагать, однако дороги короче и скорее просто уже не придумать.

И кстати сказать, те двадцать пеших минут, что путь завершают, очень располагают к раздумьям. К воспоминаниям. Места здесь особенные для Иванова, небезразличные ему. Здесь для него заякорены радости и мечты давно минувших дней.

Полвека прошло, и грянуло глобальное потепление, а время отмечает свой ход прежним чередом, по старинке: день – ночь. Февральский закат ещё не отгорел, небосвод только-только принялся наливать синевою, но отовсюду уже падал искусственный свет. Сквозь дымку манили кубическими огнями киоски впереди, предлагали путнику газеты, детские игрушки, разные безделушки-сувениры, пирожки и шаурму. Фонари, зажжённые на столбах, окрасили покрытый неровной бугристой коркой льда тротуар в апельсиновые тона. Витрины магазинов бросали на него растянутые трапеции жёлтого сияния. Роились светлячки фар на шипевшей, гудевшей колёсами мостовой, которую заслоняли, однако не могли закрыть голые ветки высаженных на газоне тополей.

А за дорогою, в отдалении, тоже высились, почти сказочные в сгущавшейся темноте, дома. Первые, наземные их этажи сливались в сплошную полосу света. Это тоже были витрины магазинов, окна кафе.

Полста лет назад на их месте тянулся пустырь, голые, даже в вечернем мраке сверкавшие белизной сугробы. Бульдозеры и краны туда ещё не добрались. Должно быть, только в проекте существовала тогда и пятиэтажка с библиотекой в половину первого этажа (вторую половину – займёт книжный магазин; подобающее соседство, по принципу парности). Но та сторона улицы, тротуаром которой сейчас Иванов продвигался целеустремленно и в высшей степени с опаской (чтоб не навернуться на предательских волдырях льда!) уже была завершена – только что заселенная новостройка, бурлившая жизнью, – кичилась современностью и переливалась яркими огнями.

На современность поглазеть, скорее всего, и повела его сюда мама, Олежку Иванова, первыппа-карандаша, бурно праздновавшего (конечно, про себя!) начало зимних каникул. Топать в эти края был не ближний свет, но путников подгоняло любопытство жителей глухой сло-

бодки, так называемого частного сектора, провинциалов в квадрате. Мама сама ещё была очень красивой и молодой. Она выбрала вечер, должно быть, чтобы сияли огни.

Наверно, зимним мраком своим то похожий был вечер, только не в пример нынешнему без пасмурной хмари; наведённый на резкость морозцем, так что просматривались дали, пространства окрест.

Наши путники, впрочем, дальше местной кулинарии не прошли. Если и продвинулись чуть ещё вперёд, почему-то в памяти не уцелело. Разжились там куском варёной курицы да речного окуня купили – с красивыми тёмными полосками на брюхе, с артистическими алыми плавниками. Тоже готового уже к употреблению. Как вернулись домой, Олег принялся у матери канючить – попробовать, попробовать кушанья кулинарные, покупные! Мама уступила, отрезала ему ломтик грудки. Окушка же он всего, целиком, в одиночку уговорил. И хоть выбрал из него миллион косточек и костей, а курятина оказалась волокнистой, жёсткой как автомобильная резина, может, и не совсем без запаха, но точно – без вкуса, и то, и другое Олег запомнил как яства сказочные, райское объедение. Да разве могло быть иначе в первые в жизни зимние каникулы!

Восемь лет спустя, девятиклассник Иванов записался в ту библиотеку, куда сейчас шагал. К тому времени пятиэтажка, в которой она с книжным делила наземный этаж, давно уже здесь обжилась, в строю сестёр, одинаковых серых коробок, возникших на месте бывших пустырей. С магазином, кстати, Олег сумел познакомился несколькими годами раньше, с тех пор захаживал время от времени – покопаться на прилавках, а вот библиотечное крылечко (в три ступеньки всего, но с бетонным козырьком) до сей поры даже и взглядом-то не удостаивал, шествуя мимо. И вдруг точно впервые увидел эту дверь и ведущие к ней ступеньки... Да потому что он распрощался с детской библиотекой, только что, на днях! Обреталась она совсем в другой стороне (как будто нарочно!), но примерно на таком же удалении от дома (закон такой, что ли, был, равноудалённости?), в старомодной, несовременной двухэтажной деревяшке, и за восемь – или сколько там? всё же семь лет? – Олег протоптал туда такую тропу, что, казалось, не зарастёт... А сколько взятых там книг было прочитано – и Ефремов, и Стругацкие, и Гуревич! А напоследок, под самый занавес летних каникул «Мартин Иден» Иванову в руки попал.

Олег уже сам пописывал рассказы в тетрадку (даже в разные тетрадки). Роман Лондона ему открыл глаза: вот как в писатели идти надо! Посмотреть мир, жизнь. И писать, писать, писать – пока мастером слова не станешь. Да, можно сказать, такой вот подарок старая библиотека напоследок ему преподнесла, перед тем, как Олег расстался с ней. Вернув томик в абонемент, Иванов шёл домой пружинистым шагом, то и дело срываясь пуститься вприпрыжку, но гнела вниз, возвращала на землю озадачивающая тяжесть в груди. Наверно потому, что впервые он возвращался из библиотеки без новой перемены книг, с пустыми руками. Меланхолично, и вместе с тем с тайной надеждой посматривал Олег по сторонам, отмечая, что сентябрь ещё так похож на август, с почти летним солнцем, хотя и без летнего тепла, и с каким-то задумчивым, подёрнутым рябью облаков небом. Олег твёрдо верил, что совсем недалеко, не за тридевять земель вовсе, ждут его другие стеллажи, на которых теснятся ещё более соблазнительные и удивительные книги, чем те, что он читал прежде; книги, о которых он давно мечтал, но, спрашивая которые, до сих пор получал в ответ только философскую усмешку библиотечарши, виновато пожимавшей плечами. Через день-другой он отправился в это магическое место – ту самую взрослую библиотеку, крыльцо которой все эти годы в упор не замечал.

Там ему выдали читательский билет – небольшую, альбомной ориентации книжицу (как сказал бы он сейчас) в желтоватой, твёрдой, ещё неизмятой обложке. Будто повысили в чине – в детской библиотеке всё было гораздо проще, ну да, по-детски; обходились без удостоверений! Но приступ гордости и эйфории длился минуту, не больше. «Корочки» читателя взрослой библиотеки, расхаживая по её залу, Олег так и не выпускал из рук, но руки опускались сами

собой, в прямом и переносном смысле. Он бродил меж стеллажей и всматривался в корешки книг на них – и того, о чём мечталось, что-то не находил; видел только лишь незнакомые, ничего не говорившие ему названия и фамилии.

Наверно, так было кем-то подстроено нарочно – чтобы этот этапный день, день-веха, *день записи во взрослую библиотеку!* – оказался таким прозаическим обломом... Но другое магическое место Иванов почему-то искать не побежал. Раз уж записался, то до окончания школы, пока не получил аттестат, библиотеку не менял, этой, с бетонным крылечком из козырька да ступенек, верность хранил; навещался сюда исправно, через две недели. И даже выпускным летом, аттестат был вручён и впереди абитура маячила в областной политех, ещё дважды или трижды умудрился в библиотеку заскочить, переменить на абонементе книги. За два года распробовал, похоже! Так ведь и впрямь больше *не пролетал* так уныло-бездарно, как в самый первый раз. Наверно, обмишулился тогда с днём, кажется, припёрся за взрослой читательской долей в понедельник. Хотя, надо признать, и в неправильный день совсем без добычи не ушёл. Переборол-таки подступившую к горлу обиду и книжки две-три, из только что сданных другими читателями, выбрал, даже из фантастики что-то подвернулось. А уже в следующий визит и вовсе забыл про невезение. Опять-таки будто понарошку, по какому-то шущему велению, потом ему непременно везло, фартило, – подходящая книга в руки пёрла (как счастливому рыбаку – рыба, козырная карта – удачливому картёжнику). Откуда что и выуживал! Разных классиков и современников прочитал кучу, но особо пришились по душе сборники Чапека и Лема, а также некоторые тома Библиотеки современной фантастики (которую Иванов хотел бы на домашнюю полку всю, целиком и полностью, водрузить, – конечно, если бы мог колдовать).

Но колдовал, похоже, кто-то другой, и вот что у него получалось. Два только года Иванов был записан в эту библиотеку, но вспоминал их и много лет спустя. Хотя на бетонное крылечко опять не поднимался, проходя, бывало, мимо. Топал себе дальше, будто вновь заказаны были для него те ступени. Пока лет десять назад здесь не получило приют литобъединение. С тех пор Иванов начал снова навещаться сюда. Только, как уже сказано, опаздывал безбожно, вдруг обнаружил в себе способность к такому прегрешению. Какой бы лирикой его ни прикрывать.

Даже когда прогулка от трамвайной остановки до библиотеки была полна самых элегических дум, возле крыльца Олег разом про эти думы забывал. Вдруг нагибал зачем-то голову, иногда пытался лихо, по-мальчишески взбежать. Это был момент встречи с давним и дорогим прошлым, но о прошлом он как раз ничего не вспоминал. Только о настоящем думал. Впрочем, не мог не замечать, как время обошлось с библиотекой, как оно поработало над ней...

Сама пятиэтажка, как и полтинник лет назад, оставалась такой же кирпичной, невзрачной, серой. Да и не успевал он разглядеть здание снаружи, особенно в темноте. Но внутри, начиная с входного предбанника, бросалось в глаза, как всё здесь ужалось, скукожилось, поблекло.

Как и весь мир. Как и вся жизнь – умалилась, укоротилась дыханием, лишилась размаха. Раньше вечер был как эпоха – столько делов можно было натворить! А нынче всё стало дозированным, ограниченным, точно по талонам. Вот припёрся в библиотеку, за порог ещё не ступил, а уж знаешь, что домой обернёшься только в восьмом часу. Там – ужин, немудрящий, не столько насыщающий тело, как пожирающий время, уже до печёнок достал неизбежностью и казарменной простотой. Потом компьютер, интернет; не пропустить бы чего интересенького в ленте, в ящиках почтовых. Этакий Кронос местного значения, который будет ещё прожорливее кухонных хлопот. А в итоге – прощай чтение книжки, сборника Геннадия Головина. И собственная нетленка опять нетронутой останется. Это давно начатый, но всё ещё неоконченный роман «Триумфатор» – да-да, подождёт! По правде, неприлично долго уже ждёт... «Триумфатор», он же – «Зиждитель». Двойное название. Вторая половина, хитрое сло-

вечко «зиждитель», у Солженицына позаимствована... И, что самое гнусное и несправедливое, душит и давит Олега вечное недосыпание, но сегодня – уж будь спок! – раньше какого-нибудь там часа быка завалиться на боковую не выйдет...

Хреново с такими мыслями в голове порог переступать.

Из тамбура ввалившись в коридор (этакий т-образный коридор; ножка у «т» была сильно короче верхней полки), Олег готовился натолкнуться на гул голосов, на стену звуков («Витийствуют собратья-писатели!»), – а попал будто на тихий час. Такой в коридоре сгустился покой, силентиум... Просто разом захотелось веки смежить. И прислониться – хотя бы к стене, голой, покрытой только бежевой, матово отливавшей краской, – покрытой ею, должно быть, ещё в незапамятные времена, времена отрочества и юности Иванова.

Но тут его прошибло жаром. Как если бы тепловая бомба взорвалась внутри. Олег принялся судорожно раздирать кнопки на куртке, а они как нарочно поддавались не сразу. Молнию раздёрнул до низу, полы широко, как на обыске, распахнул. Метнулся по коридору и сиганул в туалет. Дверь оказалась не заперта, повезло. Перегородка разделяла тесную комнатку-пенал на две половинки. Неперегоревшая лампочка рдела только во второй, отведённой под унитаз – детский, низкорослый и малолитражный. В полумраке же ближнего отсека аккуратно напротив двери расплывалось молочно-серое пятно – раковина умывальника, тоже устройства предельно простого, чисто функционального, без затей.

Говорят, млекопитающие, и самая мелочь, и здоровеннейшие монстры, за одно и то же время освобождают свой пузырь – за двадцать одну секунду. Плюс-минус. И ещё бают, почти нобелевку кому-то за открытие отвалили. Олег Николаевич был не просто млекопитающим, он был человек. Правда, уже не молодой, с одряхлевшим организмом. Ему понадобилось времени раза в два поболее. Но после неизбежной заминки, меньше чем в минуту, он уже снова по коридору летел – вперёд. К залу, где традиционно тусовалось ЛитО.

За мутноватым стеклом двери горел яркий свет; невнятный разноголосый шум – наконец-то! и в самом деле! – прорывался сквозь неё; один высокий, но мужской голосок настойчиво вплетался в пространство. Так было похоже на школьный урок, в полном разгаре – без одного ученика, безнадежно проспавшего начало... Но Олег Николаевич не терял больше ни секунды. Правда, загодя поморщился, протягивая руку к ручке двери.

Мир, может быть, в самом деле ужасался и потускнел за сорок лет, а интерьер библиотеки, когда-то современный как не истрёпанный ещё томик Воннегута (красный, за номером двенадцать), и впрямь поблек, обернулся скучной цепочкой разнокалиберных клетушек, но и само время кое в чём проявило полнейшее бессилие. Ему оказалось не по зубам остановить горячий пульс ЛитО. Жизнь ЛитО не пресеклась, оно неуёмно творило, вершило малые и великие дела, на худой конец – хотя бы витийствовало...

Да и не клетушка то вовсе была, за дверью, куда шагнул сейчас Иванов. Как уже было сказано, зал, настоящий зал, пусть и не громадный, умеренных размеров; тесным совсем не казался – благодаря тому, что одна его половина оставалась свободной, почти пустой. Много ли места на ней занимали расставленные вдоль стены пианино да десяток стульев? А на другой половине ближе к окнам выстроились буквой «т» столы. Буквой правильных пропорций, не в пример той, какую раскорячился коридор. По сторонам её длинной «ножки» расположилось всё сегодняшнее собрание. Кроме председателя объединения, впрочем. Георгий Петрович Дубков выбрал себе местечко во главе общего длинного стола, в дальнем от входа в зал конце. Был он не богатырь, скорее коротышка, а по виду – всё равно внушительный. Хотя вообще-то в первую секунду Олег не столько его увидел, как услышал. Это Георгию Петровичу принадлежал настойчивый высокий голосок, перекрывавший общий шум зала. А ступив ещё вперёд, Иванов разглядел и его топорщившуюся во все стороны седую копну волос, а затем и бледноватое, почти белое лицо.

Дубков, задрал очки на лоб, уткнувшись в блокнотик у себя под носом, вещал быстрым, немного визгливым тенорком свежайшие новости – что собратьев-литераторов ожидает впереди, какие подходящие творческие тусовки-встречи. Ну, а те рьяно, склоняя к столу головы, от усердия аж чуть не сталкиваясь лбами со своими визави, строчили эти сводки уже в своих блокнотиках, предавали ценные сведения бумаге. На отдельные листочки – если у кого блокнотиков при себе не имелось. Десятка два пишущих – так ведь и впрямь, писатели! – горбатилось по обе стороны стола. Кое-кто, впрочем, просто сидел, вольно откинувшись назад, на ведении «конспекта» не заморачиваясь. Да и хоть перья не скрипели – перьев-то нынче не водилось, за полвека произошёл кое-какой прогресс. Так уже и не школяры... Почти все пенсионеры да пенсионерки – женщин присутствовало заметно больше.

Какой-то круговорот слов в природе, с бумаги на бумагу, мысленно сострил Иванов. Сбоку от входа в зал, вдоль торцевой его стены раскорячилась вешалка – железная конструкция о четырёх ногах и с множеством торчавших в обе стороны крючков, передвижная, готовая принадлежность не шибко роскошного гардероба. Из гардероба библиотеки, должно быть, сюда и приволокли, когда там что-то поновее завелось. На крючках, обращенных к залу, одежды пришедших на собрание литераторов висели плотно и тяжело, без просвета, наваливаясь друг на дружку, – куртки, пальто, шубы, шапки, шарфы. А вот охотников воспользоваться крючками противоположной стороны, которыми вешалка почти упиралась в стену, набралось существенно меньше. Иванова же без раздумий, на автопилоте, потянуло к меньшинству. В тесный промежуток меж вешалкой и стеной он забираться не стал, а лишь ловко (как ему думалось) раздвинул нагромождение одеяний более пунктуальных собратьев по перу и, просунув туда куртец, пристроил его на один из тыльных крючков. Восхитившись собственной толковостью, мягкими, почти бесшумными шагами направился к столу. Улыбкой как бы извинялся за опоздание, хотя стороннему наблюдателю и трудно было разглядеть эту улыбку. Сам прикидывал на ходу, куда бы теперь пристроить бранный зад, с кем по соседству.

Бросилось в глаза несколько хорошо примелькавшихся лиц – завсегдатаи, как всегда, не уронили имидж, не потерялись, пришли. Вот Лидия Афоницева, неумолимая тусовщица. Поспевала повсюду, не пропуская ничего литературного. Соцсеть Вконтакте, как Большой Брат, замечала её то тут, то там, где бы что ни затевалось. По правую руку от неё сидела Настя Бубенцова. Сама она писала, кажется, довольно редко и только несколько фривольные, эротические стихи, зато чужие декламировала охотно и без ограничений. По части хождения по литературным тусовкам Настя не уступала Лидии, не отставала от неё ни на шаг, была неразлучна, как нитка с иголкой.

Когда Олег впервые увидел Настю на каком-то стихотворческом сборище, её миловидное лицо с громадными глазами, обрамлённое объёмными тёмными локонами, ладная фигура так поразили своей красотой, что у него просто перехватило дыхание. «You kill me with your smile¹» – так, кажется, пел кто-то за бугром лет за десять до того дня. У Насти была как раз такая улыбка – от которой мужики должны были голову терять. Иванова тогда сразу осенило, как должна выглядеть героиня романа, который продвигался у него с невероятным творческим скрипом. Да-да, это был уже тот самый многострадальный «Триумфатор—Зиждитель», который он до сих пор не мог довести до ума. Значит, не меньше пяти лет уже – потому что встреча с Настей случилась лет пять назад. Сама Настя в ту пору – и вообще довольно долго – Иванова в упор не замечала. Потом стала вроде бы обращать внимание – но путала с кем-то другим. Однажды проговорила, назвала его Валентином. Казус, конечно, досадный; вроде случился всего-то ещё прошлой зимой.

И вдруг, уже буквально осенью, каким-то волшебным образом всё переменялось. Откуда-то Настя разузнала, как Иванова зовут, и теперь даже более-менее ясно представляла, что

¹ Ты убиваешь меня своей улыбкой (англ.)

он за фрукт и чем он дышит. Главное же, она вдруг начала как-то загадочно поглядывать на Олега! Вконтакте они уж давно числились в друзьях, даже в те дни, когда Настя принимала его за того неведомого Валентина. А тут у них внезапно завязалась переписка, довольно оживлённая, хотя и почти без слов. И ещё – как бы это сказать? – прерывистая, с паузами. Временами какой-то стих обрушивался на Настю, и она с дикой энергией принималась забрасывать Иванова то смайликами, то стикерами, то романтическими картинками, то потешными гифками. А потом – бац! – и этот поток обрывался, наступала тишина. Молчание. Настя будто телепортировалась в другую галактику, куда радиоволны соцсети не долетали. Хотя на самом деле и в эти периоды загадочной Настиной немоты Иванов обнаруживал следы её присутствия Вконтакте. То, прокомментирует чью-нибудь запись. То вступит в очередное сообщество. А то и свою страницу новой фоткой украсит! Цветочков там или кошечек – неважно! Даже ведь и не пыталась скрыть, что она здесь. А ему почему-то не писала...

Иванов себя в этих её внезапных охлаждениях винил. Не умел поддержать беседу. Да, отвечал ей тоже смайликами да гифками, но не так массивированно и, видно, не совсем впопад. Не оправдывал ожиданий, что ли; разочаровывал. Вот она и переставала бомбардировать его стикерами. Эх, какой же ты писатель, – даже так однажды сказал себе Иванов, – если бабу, которая на целых десять лет тебя моложе, охмурить не можешь. Ну да, не поэт. Да и романист хреновый...

А всё-таки что-то она в нём находила, Настя. И молчание её не устанавливалось навсегда. Вдруг снова, похоже, стих на Настю напал. И она опять донимала Иванова гифками и романтическими картинками – что-то пробудить в нём хотела. Он отвечал, старательно и неуклюже. Всё повторялось...

Итак, Настя была здесь...

А по левую руку от Афониной развалился Николай Тарабаров. Этого можно было назвать восходящей звездой местного Парнаса; в ЛитО затесался не так давно, однако на конкурсах и поэтических вечерах уже гремел, гремел.

Парочку-вторую других стихотворцев зацепил Иванов взглядом. Знались шапочно – кивал им при встрече, хотя не всегда мог сразу вспомнить, как зовут.

А ещё ему казалось, что он видит среди всех этих сегодняшних лиц улыбающуюся физиономию Олега Зиновьева. Тёзка – бард, переводчик, поэт. Моложе Иванова, а не чета ему, настоящему повидал мир. Бывал в Ливерпуле, прогуливался там возле пабов, которые начинающие «The Beatles» прошли. За это Олег подходящий рингтон у себя в телефоне ему поставил... Да если б в одном только Ливерпуле! – в молодости моряк торгового флота. Душа компании, остро слов, эрудит. Ну какое сегодня заседание без Олега? Ему ведь прочили председательскую должность к лету.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.